

Шэнь Мянью принял подарок и сладко улыбнулся:

— Спасибо, Президент Цинь.

Цинь Чжэн невольно улыбнулся в ответ тонкими губами.

Их взаимодействие повергло всех в изумление, все смотрели на Цинь Чжэна, словно на инопланетянина.

— Цинь Чжэн, это действительно ты?

Холодный взгляд Цинь Чжэна скользнул по говорившему, и тот поспешно добавил:

— Шучу, шучу!

Пока Шэнь Мянью наслаждался супом, Цинь Чжэн представлял ему гостей. Тот время от времени кивал, обменивался вежливыми фразами, и ему тут же вручали визитки — намёк на возможное сотрудничество в будущем.

В какой-то момент Цинь Чжэн вышел ответить на звонок. Один из гостей, уже изрядно подвыпивший, занял его место, приблизившись к Шэнь Мянью.

— В каком возрасте ты дебютировал?

Шэнь Мянью, не отрываясь от еды, ответил:

— В двадцать лет снялся в своей первой работе.

— Почти тридцать, а выглядишь так? — не поверил тот, ущипнув Шэнь Мянью за щеку.

Кожа была нежной и гладкой, даже нежнее, чем у тех юных моделей, с которыми он забавлялся.

— Сколько ты уже с Цинь Чжэном?

Шэнь Мянью подсчитал:

— Лет семь-восемь.

Гость замер, а затем разозлился.

— Вот же Цинь Чжэн, столько лет прятал такого сокровища и только сейчас выставил напоказ! Это что, против нас? Какой же он после этого друг!

Тот был вспыльчив и сильно пьян, рванулся было выйти и устроить разборки, но остальные гости бросились его удерживать. Пьяный был силён, нескольким людям едва удалось его сдержать.

— Злись, злись, но не лезь на рожон! Ты с ним справишься?

— Будь на моём месте, заполучи я такого соблазнителя, тоже бы не делился. Пойми его...

Другой спросил:

— Правда, что вы вместе уже столько лет? Почему об этом никто не знал?

Шэнь Мянью ответил:

— Как не знал? Все в индустрии в курсе, что восемь лет назад корпорация «Цинь» инвестировала в мою кинокомпанию, и Президент Цинь стал моим боссом. С тех пор я с ним.

— Я не об этом «с ним»! О другом!.. погоди, ты что, надо мной издеваешься?..

Мужчина пришёл в ярость и бросился на Шэнь Мянью с кулаками. Окружающие вновь ухватили его, уговаривая:

— Успокойся, успокойся! Если ударишь его, сегодня ночевать будешь в своей же больнице...

Когда Цинь Чжэн вернулся, он увидел, как его друзья детства, утратив всякий вид социальных элит, сцепились в кучу. А привезённый им маленький соблазнитель тем временем сидел смиренно и допивал суп, выглядя беззащитно и трогательно.

Он нахмурился:

— Пошли.

С этими словами он поднял Шэнь Мянью с места, бросив на компанию презрительный взгляд, и ушёл, не оглядываясь.

Шэнь Мянью ещё внутренне злорадствовал, но едва они сели в машину, как Цинь Чжэн прижал его к заднему сиденью. Мужчина опустил взгляд и тихо спросил:

— Семь-восемь лет со мной? Откуда я об этом не знал?

Шэнь Мянью помолчал, затем фыркнул со смехом:

— Ты же знаешь, что это я устроил, но всё равно меня защищаешь? Твой покровительский подход к протеже явно переходит все границы.

Цинь Чжэн подушечкой пальца провёл по его губам:

— Ты так любишь играть. Будет ли день, когда ты наиграешься?

Вопрос был с двойным смыслом.

Шэнь Мянью сделал вид, что не понимает, и невинно ответил:

— Это он первый начал, щипал меня за щёку. Ты видел?

— Не уводи разговор.

Шэнь Мянью моргнул:

— Если бы я не был таким игривым, то и не был бы собой.

Цинь Чжэн слегка кивнул:

— Логично.

Если бы этот человек перестал быть таким распушенным, перестал легкомысленно заигрывать и дразнить, перестал быть таким своевольным и безрассудно смелым — это был бы уже не

Шэнь Шубай.

Он тихо проговорил:

— Шэнь Шубай, ты сказал, что я твой покровитель, верно?

Шэнь Мянью слегка приподнял бровь:

— Верно.

Тогда Цинь Чжэн взял его руку и прижал к горячему и твёрдому бугорку ниже живота:

— Теперь тебе следует исполнить свои обязанности.

— Но мы же в машине...

Мужчина прижал его голову к своей груди, голос уже стал хриплым:

— Только рукой.

...

Продолговатый лимузин мчался в ночи. Шэнь Мянью прижимал к себе Цинь Чжэн, тот тяжело дышал ему в ухо, горячее дыхание обжигало ушную раковину. Запястье Шэнь Мянью ныло, нежная белая ладонь покраснела от трения, но то, что было под ней, лишь становилось всё энергичнее. Цинь Чжэн смотрел на него с лёгкой усмешкой, словно наслаждаясь его неловкостью.

Шэнь Мянью поджал розовые губы, затем вдруг придвинулся к уху мужчины и прошептал:

— Президент Цинь, я привык, чтобы меня обслуживали, а не наоборот. Боюсь, я не очень умею, могу причинить тебе боль.

Цинь Чжэн поцеловал его висок, влажный от пота:

— Практика делает мастера.

Шэнь Мянью: ...

Что это за серьёзный тон?

Он замолчал на мгновение, затем вдруг с кокетливой улыбкой произнёс:

— Президент Цинь, разве в этом есть какой-то смысл? Ни удовольствия, ни разрядки. Лучше уж перейти к настоящему делу. Как думаешь?

С этими словами он потянулся расстегнуть пуговицы на рубашке мужчины.

Цинь Чжэн схватил его за запястье:

— Как раз нужно обтесать твой нрав. Продолжай.

Последние два слова он произнёс твёрдо, отчего уголок рта Шэнь Мянью дёрнулся. Тот не удержался и спросил:

— Цинь Чжэн, ты специально меня мучаешь?

Цинь Чжэн усмехнулся уголком губ:

— Я думал, такая мелочь не станет проблемой для режиссёра Шэня.

...

В принципе, проблемой бы и не стала, но этот мужчина был слишком одарён от природы и полностью истощил его терпение.

Он просто хотел измерить уровень удачи. Почему же это так, так сложно?

...

Неизвестно, сколько времени прошло, но Цинь Чжэн наконец отпустил его.

С тяжёлым выдохом мужчины Шэнь Мянью почувствовал, как ладонь слегка обожгло, что-то тёплое выплеснулось, протекая между пальцев. Низкий, приятный голос Цинь Чжэна тихо произнёс:

— Ты хорошо справился.

Цинь Чжэн достал платок, вытер ему ладонь, взял его запястье и начал осторожно массировать. Убедившись, что с Шэнь Мянью всё в порядке, он открыл дверь:

— Отдохни пораньше.

Оказалось, они уже давно приехали к дому Шэнь Мянью.

Тот не спешил выходить, а вместо этого обернулся с улыбкой:

— Президент Шэнь, не подниметесь на чай?

Без сомнения, это было приглашение, и оба это понимали.

Цинь Чжэн прищурился. Его тёмные, глубокие глаза отражали изысканное и красивое лицо Шэнь Мянью, его полные алые губы, ясные светлые зрачки — в ночи это выглядело особенно соблазнительно. Этот человек прекрасно знал, как привлечь внимание, и умел управлять сердцами, обращаясь со всеми как с игрушками.

Но если он будет слишком доступен, разве станут его ценить? В конце концов, он, вероятно, тоже станет для Шэнь Шубая лишь «мимолётной связью».

Цинь Чжэн помолчал, затем резко вытянул руку, обхватил Шэнь Мянью за тонкую талию, прижал к себе и яростно захватил его розовые губы.

Насытившись поцелуем, он вытолкнул Шэнь Мянью из машины и сразу же уехал.

Шэнь Мянью один стоял на ветру в полном недоумении. Оба брата из семьи Цинь определённо были ненормальными.

С тех пор как Шэнь Мянью преподавал Фань И небольшой урок, все в съёмочной группе, и новички, и ветераны, независимо от наличия связей и покровителей, стали скромнее и

осторожнее, что значительно ускорило съёмочный процесс.

Шэнь Мянью зевнул и крикнул:

— Кат! Эмоции всё ещё не те. Ты ведьма, а не шарлатанка. Мне нужно нечто мистическое, а не безумное. Переснимаем.

Его язвительность уже вошла у актёров в привычку, но эта сцена была переснята уже семь или восемь раз, задерживая завершение рабочего дня.

Актриса, игравшая ведьму, Ван Лин, была средней руки актрисой, которая за более чем десять лет так и не стала известной. Она была уже на грани слёз:

— Режиссёр Шэнь, я правда не знаю, как сыграть «мистическое».

Шэнь Мянью приподнял бровь и указал сценарием на Цинь Мо:

— Цинь Мо, покажи ей, как это сделать.

Цинь Мо опешил:

— Попробую.

Ван Лин хотела было снять с себя костюм, но Цинь Мо махнул рукой и сам сел на стул персонажа.

Он действительно обладал актёрским талантом. Его персонаж играл в этой сцене с ведьмой, и реплики он уже выучил наизусть, поэтому сразу вошёл в роль.

Он сидел прямо на старинном красном лакированном кресле, держа в пальцах потускневшую старую монету. Его взгляд был прикован к квадратному отверстию в центре, но казалось, что он смотрит куда-то в неизвестность. Вдруг его зрачки резко сузились, словно он увидел нечто, чего видеть не должен был, отчего у всех по спине пробежал холод.

Он пристально смотрел в ту точку. Прошло много времени, его побелевшие губы дрогнули, и он медленно заговорил:

— Она пришла...

— Она плачет...

— Она говорит... что убила её женщина... уродливая женщина, погружённая в пучину зависти.

<http://bllate.org/book/15553/1414916>